

Т. Е. Шехтер¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Размышляя о современном состоянии культуры, о способах ее существования и направлениях развития в эпоху глобализации, мы не можем не обратить внимание на то, что изменения, которые произошли в сфере культуры (и прежде всего художественной) за прошедшие четверть века, вряд ли могут быть сопоставлены с какими-либо процессами в истории мировой культуры за все известное нам время ее существования.

Что же такое глобализация? В самом общем определении глобализация — это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых технологий (в основном компьютерных), а ее атрибуты — глобальное телевидение, Интернет, виртуальная реальность, интерактивность.

Все эти явления далеко не однозначны, обладают разными функциями по отношению к человеку и культуре, но они объединяются в один ряд, так как обуславливают друг друга и направлены на создание совершенно нового образа жизни и построения отношений в современном мире, в котором отныне гуманитарная проблематика связана с влиянием новых информационных технологий на человека и человечество в целом.

Сегодня цель преобразования не материальная среда, как это было до сих пор, а человеческое сознание, как индивидуальное, так и коллективное. Бизнес строится не столько на приспособлении товара к потребностям людей, сколько наоборот, приспособляя людей, их потребности и сознание к имеющемуся товару. Об этом прекрасно говорил еще Бодрийяр. Он задавал вопрос, как бедному потребителю определиться и выбрать необходимую ему кофемолку из имеющихся пятисот видов? И тут же отвечал — да ту, которую выберет для вас реклама («Система вещей»).

Формирование сознания — важнейшее направление современного бизнеса, отсюда такое внимание к рекламе, PR, любым технологиям воздействия на выбор и потребности личности. *В общекультурном плане это означает то, что человечество теперь меняет не окружающий мир, а само себя.*

Первоначально глобальность понималась как связанность мира и воспринималась почти исключительно в оптимистическом ключе (Римский клуб Аурелио Печчеи). Это были 1960–1970 годы. Затем в следующие два десятилетия (1980–1990 гг.) процессы глобализации стало оп-

ределять становление мировых финансов. В последние годы развивается третья форма глобального преобразования мира — это становление глобальной культуры, вмещающей в себя разнообразие мировых культурных практик.

В процессе развития глобальной культуры, неразрывно связанной с развитием новых технологий, освобождаются неизвестные способности и формируются иные духовные потребности, способы творческой деятельности и творческого мышления. Ведущим методом культуры становится *интерактивность*, которая в наши дни далеко не только способ работы в сети Интернет, но и важнейший принцип существования и творческой деятельности в условиях глобализации.

Отличительной особенностью современного мира и современной культуры в их глобальном развитии является раздвоение на *материальный и виртуальный способ существования*. Неуклонно расширяющийся виртуальный мир структурирован не относительно стабильными образованиями, а подвижными сетями и потоками.

Культура, рожденная в условиях глобализации, это, с одной стороны, новая целостность, в которую вовлечено практически все цивилизованное население земного шара, а с другой — именно процессы *интеграции*, сближения, взаимодействия порождают бездну новых форм и способов отношений между людьми, культурами, странами, которые, участвуя в общем процессе глобального объединения, могут принимать агрессивные, порой первобытно-атавистические формы. И эта контрастность глобальной культуры опасна тем, что именно на фоне интегративных процессов она получает возможность широкого распространения со всей силой атавистического пафоса. Терроризм — наглядное тому подтверждение.

Надо сказать, что в условиях сближения огромных людских масс и информационных и экономических ресурсов, неизбежного столкновения мнений и оценок, идеалов и верований нравственная проблематика начинает играть все более значительную роль в обществе, нравственное сознание которого фактически недееспособно, инфантильно, ибо в течение долгого периода не было востребовано. И здесь не стоит кивать только на постмодернизм; эпоха НТР постаралась в этом направлении не меньше.

Постмодернизм же отразился в этом процессе своим конформизмом, когда культура, трактуемая как текст, воспринималась как равнозначная во всех своих проявлениях и модификациях. Такая ситуация в постмодернистической культуре не вылилась в эстетический беспредел лишь по

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

причине того, что структурной основой художественного творчества являлось мировое культурное наследие, строгость принципов которого определила границы центростремительного текстуального сознания постмодерна.

И несмотря на то что каждая культура создается во спасение (хотя что такое спасение, людьми понимается по-разному) и что в каждой живой культуре заложен позитивный потенциал, вторая половина XX века потрясла устои европейской культуры прежде всего тем, что уравняла в их значении все явления культуры прошлого и настоящего, и, упразднив понятие истины, девальвировала иерархию ценностных эстетических представлений, ценностных эталонов, которые в той или иной мере прежде имела каждая культурная эпоха. Постмодернизм делает их ненужными. Конечно, это открыло возможность для проявления *маргинальных процессов* в искусстве, культуре, на этом фоне заявили о себе формы творческой деятельности и способы человеческих отношений, которые никогда не могли бы существовать раньше, но в целом система культуры оказалась расшатанной.

В процессе глобализации культура начинает собираться вновь, но новая ее целостность вызывает множество вопросов, которые спровоцированы технологиями, лежащими в основании процесса глобализации. Эти интернет-технологии и технологии СМК, развивающиеся в эпоху утраты критериев, ведут к беспризорности культуры, ее беспомощности и, по большому счету, неспособности выполнять важнейшие функции — утверждение общечеловеческих идеалов. А что такое эти идеалы — это представления, позволяющие сохранить жизнь и дать возможность ей развиваться дальше, то есть соответствие важнейшему принципу культуры, провозглашенному Альбертом Швейцером в его замечательной работе «Этика и культура», — принцип благоговения перед жизнью. Глобализация провоцирует идеологию туриста, удовлетворяемого быстрыми и поверхностными впечатлениями лучше, нежели экзотическими, воспринимающего культуру через глянецовый набор экскурсионных услуг и сувенирную лавку.

Но самая распространенная форма культурной амнезии — шоу-бизнес. Это концерты, где голос делается компьютерными средствами, ток-шоу с перебиванием костей друг друга, а особенно тех, кто далеко, шутки на уровне малого таза, но без раблезианской мощи, персонажи с интеллектом инфузории. И это понятно: в эпоху утраты ценностных критериев не культура поднимает людей, а люди адаптирует ее под себя, причем в этом процессе побеждает массовый вкус. И даже яркие представители современной культуры вынуждены работать, приспособившись ко вкусу массовки. Театр Петросяна и Дом-2 — ярче примеров не придумаешь.

Глобальную культуру уподобляют плазме, в которой образуется и гибнет множество культурных образований. Эта культура балансирует на грани произвола и творческого открытия. Но в то же время ученые считают, что на современном этапе научного знания ведущая прогностическая роль будет принадлежать не строгой науке, а культуре. Ибо «культура как совокупность верований и норм, традиций и ценностей задает определенные программы развития или вероятные траектории развития событий»¹.

Нельзя не заметить, что в современной науке и искусствоведческой практике идет процесс переосмысления существующих подходов к пониманию и анализу искусства, трансформация способов его восприятия. В первую очередь это объясняется тем, что сфера художественного утратила свою изолированность и стала естественным дополнением человеческой практики в различных ее про-

явлениях, подтверждением чему можно считать широкое развитие дизайна, за короткий срок превратившегося в одно из популярнейших средств утверждения глобализирующегося мира. Подобные синтезирующие процессы происходят и в человеческом сознании, ведь теперь художественное, мифологическое и символическое мышление в их единстве нередко оказывается ведущим, контролирующим логику решений в разных ситуациях. Известно, что «постантропологическое»² поколение перестало читать.

Если совсем недавно мы трактовали тексты, углубляясь в их многослойность, то теперь все чаще материалом для мышления становится изобразительная семантика. В экранную эпоху именно *icon* становится способом концентрации и выражения информации, что откровенно демонстрируют современные журналы, изобилующие рекламно-имиджевыми материалами, в которых тексты становятся развернутыми комментариями к картинкам. Формируется привычка воспринимать информацию через картинку, визуальный знак и образ.

По существу новая методология мышления стала выражением потребности современной культуры в преодолении деструктивного опыта цивилизации, разрушительно действующей не только на природу, но и на человека и его психику. Интереснейшим отражением модификаций психики современного человека становится трактовка и толкование реализма в современной художественной культуре. Распространенная сегодня тенденция — гиперреализм или реалистическая фантазмагория, как его еще называют.

В гиперреалистическом произведении происходит переакцентировка внимания с целого на его свойства и мельчайшие признаки, при этом изображение получает максимальное физическое сходство с прототипом, но в то же время сообщает ему некое инобытное состояние, превращая изображаемое в мертвое застывшее явление, абсолютно подобное жизни и в то же время безвозвратно выпавшее из нее. Фактичность, очевидность здесь доведены до самоотрицания. Таков современный способ выражения неуверенности, ненадежности, неустойчивости действительности. В гиперреалистичности раскрывается переживание собственной незащитности, незащитности реальности, к которой утрачена дорога.

В период глобализации, оказавшись на перекрестке культур, нетрудно утратить устойчивые представления о первоочередном и второстепенном, тем более на фоне противоречивых подходов, за каждым из которых своя национально-историческая программа. И потому художественное наследие в целом и его отношение к личности становится не просто социально значимым, но может рассматриваться как одно из условий психического выживания личности. На рубеже XX–XXI веков интерес к «чистому искусству» ослабевает, все меньше привлекают фактологическая и биографическая трактовки истории искусства. Возникает потребность проникнуть в скрытые смысловые закрома произведения, в его, так сказать, «подсознательное» и найти в нем генетически заданную программу понимания мира и самого себя.

Если наука требует от нас разумного восприятия действительности, то исторический художественный опыт проявляет естественную природную связь всего сущего, определяя при этом место человека в едином целом, далеко не ведущее, как правило. Искусство видит зависимость, которым наука еще не дала названия. И если рациональное мышление направлено на утверждение человека, несмотря ни на что, противореча при этом естественному положению вещей, то искусство ставит его в контекст

¹ Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 44.

² Марков Б. В. Проблема человека в эпоху масс-медиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Порцвания. СПб., 2003. С. 66.

реальности, открывая для нас в этом процессе как раз те самые опорные типы взаимодействия с окружающим миром, которые мы тщетно пытаемся найти способом разумного вычисления.

Сейчас очень важно открыть новые стороны исторического процесса, раскрыть в нем глубоко личностное, эмоционально-интимное содержание, позволяющее современнику преодолеть отстранение от собственного прошлого. Известный философ О. А. Кривцун в статье «Человек в его историческом бытии: опыт психологических и художественных измерений»¹ приводит цитату Л. Февра, который с удивлением замечает, что «у нас нет истории любви! Нет истории смерти. Нет ни истории жалости, ни истории жестокости. Нет истории радости». Поэтому важнейшей задачей современной науки Кривцун полагает восстановление истории менталитета как совокупности явных и неявных установок мысли, умонастрое-

ний, навыков психики и т. п. Так утверждается *необходимость осмысления истории искусства как человеческой истории*.

Теперь актуальной задачей признается необходимость достижения равновесия во взаимоотношениях человека с миром и прежде всего — психическое равновесие личности. Для этого необходимо восстановление истории ментальности — постижение явных и неявных установок мысли, умонастроений, эмоциональных реакций и тому подобного, имевших место в историческом становлении личности. Пристрастия, желания, стремления, фобии и заблуждения прошлых эпох складываются в целостный опыт, лежащий в основе психики современного человека. В произведениях искусства, многообразии его историко-психологических мотивов раскрывается внутренняя сторона эволюции культуры, выступающая в настоящее время на первый план.

¹ Кривцун О. А. Человек в его историческом бытии : опыт психологических и художественных измерений // Психологический журнал РАН. 1997. Т. 18. № 4. С. 26–36.